

Сергей МИХАЙЛОВ

Новые
песни
западных
славян

Сергей Михайлов

НОВЫЕ ПЕСНИ
ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

882

84(2Рос=Рус)6-5я44

М 69 Михайлов Сергей

Новые песни западных славян:
Сборник стихотворений. Калининград:
ГП «КГТ», 2004. - 72 с.
- ISBN 87869-119-1: Б. ц., 500 экз.

УДК 882

ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44

(с) Михайлов С., 2004 г.

(с) Оформление Рудакова Е., 2004 г.

ISBN 87869-119-1

Тёмный сад

***

Жизнь тянется, как тянется стрела,
уткнувшись в сердце, выглянуть наружу,
чтобы успеть заметить два крыла,
едва оперившихся, и большую лужу,
подобную чернилам в феврале
или иной животворящей влаге
в руке, что помнит только о стреле,
но тянется – к перу. Перо – к бумаге.

СТОПЫ

-1-

Потому что у лебеда два крыла,
И без них ему вдвое легче,
Для меня это лето что кабала,
Как горячий хомут на плечи:

Беспризорная память – согласный сброд
На развес, точно фунт урюка,
И карман подорожных пустых пород,
Оттянувший стрелу на брюках.

-2-

В преисподнюю, в пекло, в гусиный треп,
В междухолмие, то же лоно,
Я на ощупь, покуда ступня сотрет
Позолоту с исподу склона

Наяву спускаюсь.

Так сыпь цветы

На парящий под солнцем свиток!

.....
Только сорные травы... И это – ты?
Что же, милая, будем квиты.

Потому что засуха, Бессара...
Эти сны мои в пыль сотрутся.
(Лишь гортань под небом твоим сыра
Да скрипящая ось каруцы.)

Разве только сухие глаза приврут
Или Балтики тень кося.
Двадцать легких цыганок за мной плывут,
Влажным шелком земли касаясь.

ОНА И ГОРОД

Откуда этот город? Как начать
Строку - чтобы такой закончить кляксой?
Всю ночь неслась грохочущая рать
Надменного варяжского аякса

Над головами тучных ариадн:
Им нет руна – и только лабиринты
Манят любителя сурьмы и акватинты,
Да слезы истеричных гелиад...

Но плачущие здесь творят печаль,
Которой путь далек и не измерен.
Так ты пришла сюда. И я уверен:
Ты любишь красное, с холодного плеча.

Как я сюда забрел? – Не в этом суть.
Возможно, по ошибке. С тенью сросся,
Я до сих пор в предутреннюю муть
Боюсь смотреть и задавать вопросы...

Откуда этот морок, вещий сон?
Весь город в ночь одну преобразился,
Словно, в тебя без памяти влюблен,
Он сам себе в беспамятстве приснился.

Ты, ты вскружила голову ему!
Твоим дыханием ему сорвало крышу
На пьяной ратуше. Она уже не дышит.
Уже не плачет. Знаешь, почему?

Ты разбудила карнавал теней -
Из самых темных и до света жадных.
Они теперь стоят во всех парадных,
Где ты жила, где ты живешь. Верней,

Где будешь жить. Разорвано дождем
Кольцо до черноты сурьмленных башен.
Послушай, ветер-плакса ни при чем.
Отпущенный на волю - город страшен.

***

Короста, прочнее хвороста
и легче воздуха,

Чернее височной хворости,
невзрачней волоса,

Прозрачней ночного холода –
под занавес четверга

Короста съела полгорода,
как полпирога...

И дети набеги делали,
как флибустьеры.

И я пропадал неделями,
считая потери.

***

Тихо. Лампа, точно маятник,
Тени режет пополам.
Затянулся вечер маятный.
Отчего не спится нам?
Разве что-то не досказано?
Или спор какой угас?
Или с часом этим связано
Что-то разное у нас?
Так молчим? Со смыслом? Или же
Вспоминаем наизусть
Строки “Рая” ли, “Чистилища”?
Или просто, знаешь, грусть?
Не спасет нас эта ночь никак,
Наш не снимет караул.
Может, фильм для полуночников
Души нам перевернул?
Про любовь, про расставания,
Слезы, розы, трепет чувств,
Про большие расстояния
В два квартала и чуть-чуть –
Черно-белая истерика
Романтических веков,
От которой, как два берега,
Мы с тобою далеко...

НОКТИЮРН

Ты говоришь во сне, не открывая глаз –
Я слышу каждый звук, отчетливо и чисто.
Ты говоришь: “Пиши”, даешь в разбивку числа –
И так по многу раз. Не открывая глаз.

Когда ты говоришь, лицо твое – в тени,
Где чисел этих ряд одновременно значит
Словарь и календарь. Но он не мною начат.
Ты говоришь не мне, твое лицо – в тени.

Твой сон всегда глубок. И это не Морфей
Укрыл тебя своим крылом – а Персефона
Тебя как тень саму во тьме иллюзиона
Уводит в сто дверей, где бедственный Орфей

Царапает струну и слушать погодит
Звучанье им самим напетого вердикта,
И, невинна, шепчет Эвридика:
Не подходи, не подходи, не подходи...

Я руку положу на твой прохладный лоб –
Как будто на речной прозрачный донный камень –
И в сон твой проберусь разорванно, кусками –
И выйду из дверей, и поцелую в лоб.

И всякий раз, когда я вывожу тебя
В мир белых простыней и ламп дневного света,
Ты смотришь на меня и точно ждешь ответа,
Подушки край, как сонник, беребя.

***

Пока ты ждешь неведомо кого,
А я живу не ведая печали,
Мы так близки – как крылья у того,
Стоящего за нашими плечами,
На букву “а” (не строчную, а в пол-
Строки, как нота “до” на стане).

Но наших разговоров произвол
Внезапным откровением не станет,
Покуда два крыла его – одна
На миг не умолкающая лира.
И связь меж нами будет не видна,
Поскольку это даже не струна,
А тонкое движение эфира.

ВАЛЬСОК

За окном даже днем не увидишь двора
Осенью.

И считает, глотая туман, детвора
До семи.

И гуляет с собакой соседка моя
Добрая.

И глядит на меня, и глядит на меня
Доберман.

А она не глядит, а она десять дней
Замужем.

И в жилетке она, и сверкает на ней
Камушек.

Это сердце ее, это в сердце огонь,
Верю я.

Но ее как жену больше пальцем не тронь:
Верная.

Так что я не у дел, вспоминая ее
Прежнюю.

Но на то и зима, что стирает былье
Бережно.

Не оставит следов, не останется слез.
Се ля ви.
И меня за собою, мой преданный пес,
Не зови.

МАРТ. ГРОЗА

Нас разбудила ночью вспышка,
И мы вскочили заодно,
И посмотрели за окно.
Там неба рваная покрывка
Под ветром хлопала, и крыши
Блестели, как заведено,

В дожде и молниях. За ними
Мерцала вышками тюрьма,
Там – кладбище, и дальше – тьма
Огня движеньями сквозными
Твое вычерчивала имя,
Чтобы меня свести с ума.

И я сходил.

За сигаретой.

И запалил ее – как знак,
В надежде, что его, как знать,
Ты, чьей-то близостью согрета –
Там, на краю чужого света,
Сумеешь все-таки признать.

И свод небес, и непогода
Нам на двоих даны одни.

Я не делю с тобою дни,
Но это – наше время года,
И торжество его прихода
Пожару памяти сродни.

* * *

Тозику

Окончился отпуск, и лету как будто конец.
Ещё мы пройдемся по Острову, путаясь в выжженных лицах,
И выпустим к солнцу две сизые струйки колец,
Но вольница наша не скоро ещё повторится.

Ещё не одна обойдет нас вниманьем своим –
И мы им в ответ не однажды стаканчик пропустим.
А завтра друг другу, как водится, мы позвоним,
Затем, что не вынести нам по отдельности грусти.

Пусть нам не хватило на место в июльском райке –
Нам осень отсыплет ещё неожиданной сдачи,
И мы её спустим на дюжину строк в обветшалом ларьке.
А как иначе, дружище, а как же иначе!

***

-1-

В этом доме прокуреном,
С подозрительной лампочкой,
Где на кухне течет,
Мы с тобой бедокурили
И острили запальчиво
Не за собственный счет.

На часок приходили мы,
Пропускали по маленькой.
Как дела? Что вообще?
Отвечали обидное
С хитрецей и каналинкой,
Без обиды в душе.

Дикой скороговоркою
И всегда прозаически
Говорили стихи.
Собирали на горькую
Все, что было наличности.
Уходили, тихи.

И мотались за спинами
Тени наши осиные
Длинным списком потерь.

И ступал остороженько
По уюту берложьему
Одиночества зверь.

-2-

Потеряли и пропили
Гору мелких монет,
Приблизительно пробыли
Мы с тобой десять лет.
Помотало и пробило:
Было – не было – нет.

Дым валил коромыслами
Из дверей, из щелей.
Пили с минами кислыми,
Горше завтрашних щей.
Собирались с мыслями,
Раз от разу страшней.

Забавлялись обманами,
Как дежурной игрой.
С синяками и ранами,
В самом сердце порой,
Расходились не рано мы,
А полночной порой.

И в ночи, там где памятник
Топчет жиденский свет,
Бил над церковью маятник:
Нет как нет, нет как нет.

***

Не помню имен и не помню фамилий
Рядом живущих, идущих, стоящих.
Только тех, что меня давно забыли,
Хранит моей памяти черный ящик.
Их последние фразы – ряды многоточий
(*Неразб.*) – мои наполняют строфы.
Так дешифрует спасенный летчик
Обстоятельства авиакатастрофы.

СТРАНА ТЕНЕЙ

Ты говорила на семи ветрах,
Как на семи невнятных языках.
Молдавия, я жил в твоих холмах.

Меня душил твой азиатский быт,
И по утрам будила дробь копыт.
Теперь я не могу тебя забыть –

И ночью просыпаюсь, сам не свой,
Увязнув провалившейся ногой
В кладбищенской тропиночке кривой.

Один дружок и трое стариков
Умножили трофей твоих песков.
А я пустил слезу и был таков.

Любовь моя, Господь храни твой день
С чужим ребенком, в гуще деревень!
Но ведь и ты – не более чем тень.

Ты от меня за тысячью границ,
За миллионами погасших лиц,
В двух перелетах полуночных птиц,

Которые стремятся – наугад,
На первый взгляд, – в твой темный тихий сад,
Где на ветвях, нетронуты, висят,

Как яблоки, мои семнадцать лет –
В страну теней, в страну, которой нет,
А только – сад, а выше – только свет.

ОКНО

-1-

Окно живет, покуда я смотрю
В окно. И, приближаясь к сентябрю,

Я только тем и занят – и вдвойне
Встречаю оживление в окне

На фоне пошатнувшихся домов,
Как бы академических томов

На стеллаже дождя, плечом к плечу,
Которые читать я не хочу,

Коль есть еще поэзия для глаз:
Рой облаков и насекомых класс,

Безгласых птиц стремительный полет,
И мелочь луж, и в лужах первый лед.

И, чтобы это все не утекло –
Окна непроходимое стекло.

-2-

Окно живет. Ему благодаря
Дни заточенья не проходят зря,

Как дни затмения. Оно, само ТВ,
Передает погоду, о листве,

О ветре, о несбывшихся приметах
И прочих поразительных предметах,

Которыми поверх радиоволн
Осенний воздух под завязку полн.

-3-

Окно живет без посторонних глаз —
Не зеркало, но в зазеркалье лаз.

Для взгляда выход. И, наоборот,
В зрачок смотрящего увиденному вход.

Оно как место тонкое в стене
Дом с миром вне сведет спина к спине,

Чтоб ты, к нему приблизившись опять,
Задумался: которую обнять.

***

“Лучше жить в глухой провинции...”

И. Б.

Жить в деревне спокойно уже потому,
Что не вспомнишь, как выгладит мусоропровод,
И компот забродивший – причина и повод
Ждать случайных гостей в одичалом дому.

Ближе к ночи округа – уже не твоя.
Удивленье во взгляде рассеянных цинний.
Вот приедет какой-нибудь щеголь и циник –
Рассмешит новостями. Окно затворя,

Истребит мошкарю. Выйду с ним на крыльцо,
Покажу вензеля облаков декадентских,
Расскажу о соседях своих деревенских.
Просидим до утра, попивая винцо.

А когда уезжать, а ему уезжать
Непременно придется – такая нелепость! –
Я запру на крючок мою тихую крепость
И пойду провожать.

И руки не разжать.

***

Мои стихи суть, строго говоря,
Слова, не долетевшие до цели.
Намаявшись, они вот здесь осели –
Так пчелы в улей с каплей янтаря
Под вечер возвращаются с работы.
И с каждым днем все полновесней соты.

Откуда что берется, не секрет:
Я говорю – меня никто не слышит.
Поскольку говорящий – трижды лишний,
Я сам словам бы положил запрет
Являться на миру в мещанском платье.
Пускай себя блюдут, как божьи братья:

Из книги – ни на шаг, из уст – ни-ни!
Пусть тишина зальет сердца и уши,
Чтоб ночь внутри, как будто сад снаружи,
Зажглась от воробьиной трескотни.
И ты поймешь язык, которым дышишь –
И в нем мое дыхание услышишь.

**Новые песни
западных славян**

ТРИ ИСТОРИИ

ТАТЬЯНА И ВАДИМ (девичья)

Ой, девчонки, чего знаю!
Почему, думаете, Татьяна такая грустная?

Полюбила она парня, Вадима,
небогатого, но серьезного.
А он ее замуж зовет.

Ой, девчонки, чего знаю!
Почему, думаете, Татьяна такая грустная?

Ходит Вадим работать в ночную смену,
а ее с собой не берет.
Она спрашивает, скажи хоть, что за работа,
а он ей не говорит.

Ой, девчонки, чего знаю!
Почему, думаете, Татьяна такая грустная?

Выследила она Вадима, прошла украдкой до
самой работы. Он, оказывается, сторожит одну
дорогую автостоянку. Заходит Татьяна в его
сторожку: а вот и я! здрасьте!
А он ей не рад, стесняется.

Ой, девчонки, чего знаю!

Почему, думаете, Татьяна такая грустная?

Взял ее в другой раз Вадим с собой.

Вдвоем веселей, конечно. Переделали они все, что можно. И заскучала Татьяна. Села к окошку, говорит: крутые ты, Вадик, машины сторожишь. Да, отвечает Вадим, мне в жизни столько не заработать. Хоть бы разок на такой прокатиться, – и смотрит ему в глаза. Хорошо бы, отвечает Вадим и отводит взгляд – закончим, мол, этот пустой разговор. А Татьяна не унимается: прокати и прокати! Как можно? – удивляется с нее Вадим. (Нет, ну правда!) А она: прокати и все, если любишь. Он психанул, говорит: хочешь, чтоб меня посадили, иди катайся, а я и водить-то не умею.

Поссорились, в общем.

Ой, девчонки, чего знаю!

Почему, думаете, Татьяна такая грустная?

Затаила она с тех пор обиду на Вадима.

Прочу, думает, женишка. И точно. Подговорила брата своего, Сашку, тот еще обалдуй. И пока они там с Вадимом в сторожке баловались, он увел самую крутую тачку, Аудио, кажется. Увести-то увел, да только недалеко уехал. Гололед, не справился с управлением и свалился с моста. Погиб на месте.

Ой, девчонки, чего знаю!

Почему, думаете, Татьяна такая грустная?

Боком ей эта затея вышла. Машина-то, оказалось, Дюшина была, мафиози нашего. Была да сплыла. С кого спросить? С Вадима, конечно. Наехали на него, что называется, избили до полусмерти. Деньги гони, мол, а не то сам знаешь что будет. А откуда у него такие деньги, семьдесят тысяч!

Ой, девчонки, чего знаю!

Почему, думаете, Татьяна такая грустная?

Вот ведь судьба у человека! Брата потеряла по своей дурусти, а теперь вообще не известно, чего дальше ждать. И Вадим ходит сам не свой, понятно. Какая тут любовь. Про Сашку-то он сразу все понял. Но простил Татьяну. Зашел к ней как-то вечером и говорит: Ты не виновата, это я во всем виноват. Она ревет. Прости ты меня, говорит, ноги ему чуть не целует. А он ей: Да что ты меня, как покойника, оплакиваешь. Все будет хорошо. Она говорит, давай в милицию заявим. О чем, он говорит, не смей ты меня, это же мафия. Но что-то же надо делать, она говорит. Ну тебе, говорит, уже ничего делать не надо, я сам. И уходит собирается. Куда ты, на ночь глядя? Оставайся. Нет, говорит, мне надо.

Поцеловал ее, как сестру, и ушел.

Ой, девчонки, чего знаю!

Почему, думаете, Татьяна такая грустная?

Исчез Вадим. Как в воду канул. Она его в тот вечер последняя видела. Нет нигде. Ни трупа, ничего, как сквозь землю. Она в розыск подала, объяснила все. Так и так, мол, денег требовали, угрожали. А что милиция? Может, он уехал, говорят. Надоела ты ему, он и дал деру. Вот сволочи! А женское сердце всегда ведь недоброе чует.

Ой, девчонки, чего знаю!

Почему, думаете, Татьяна такая грустная?

Лица на ней нет, через минуту в обмороки бухается. Страшная стала, как смерть. Думала уже руки на себя наложить. Но потом, чувствует, что-то месячных долго нет. Может, от нервов, думала. Но – нет и нет. Она к врачу. И что вы думаете? Пятая неделя уже! Как “от кого”? От Вадима, конечно.

Ой, девчонки!

Почему, думаете Татьяна такая грустная?

ПЕСНЯ-ЗАПЛАЧКА О НАПРАСНОЙ ЛЮБВИ

Писатель жил этажом выше,
а она убиралась в подъезде –
мыла площадки, лестницы и в лифте,
вытряхивала коврик у его порога
(следы он оставлял аккуратной “елочкой”).
Целовала коврик украдкой.

Ты не бей меня, мама-мамочка,
я писателя люблю!

Мама водила ее в больницу,
а писатель гулял со своей собакой.
Мама хотела пройти незаметно,
а она подбежала и поздоровалась.
И сказала: “С Чарли гуляете?
А видели, как у вас на площадке чисто?”

Ты не бей меня, мама-мамочка,
я писателя люблю!

Писатель выписывал газету “Культура”,
которую бросали в его почтовый ящик.
А из прорези сверху трудно достать газету.
Тогда она сломала замок и открыла дверцу,
поднялась к нему и сказала, вручая почту:
“Кто-то открыл ваш почтовый ящик”.

Ты не бей меня, мама-мамочка,
я писателя люблю!

Мама уходила в ночную смену.
У писателя горела лампа и было тихо.
Она доставала мамино платье, чулки и туфли,
заводила пластинку Софии Ротару
и танцевала с писателем танго.
(Он стучал в батарею, но она прекращала не
сразу.)

Ты не бей меня, мама- мамочка,
я писателя люблю!

По теплу писатель стоял на балконе,
пускал колечки синего дыма
и шурился, будто его смешили.
А они с мамой натирали газетами окна,
и мама больно ущипнула ее: молчи, мол.
Но как тут смолчишь? И она запела:

*Ночь была с ливнями,
И трава в росе.
Про меня "счастливая"
Говорили все.
И сама я верила,
Сердцу вопреки:
Мы с тобой два берега*

*У одной реки.
Мы с тобой два берега
У одной реки.*

На рассвете примчали две “скорые”:
у него инфаркт, у нее истерика.
Развезли их в разные стороны,
его в кардиологию, ее в психиатрию.
Мама не знает ни сна, ни отдыха,
ходит к обоим – к ней по четным, к нему по
нечетным...

ПЕТРОВ

Его звали Петров,
и он ее любил.

А она человек общительный,
и в друзьях у нее полгорода ходит.
Не считая близких, которые
по четвергам у нее пьют чай и ведут беседы.
Она все хочет им его представить,
только он ни в какую. В четверг, говорит,
Боженька змей и гадов придумал. Лучше
ты ко мне в пятницу приходи.

– Почему ты не любишь моих друзей? –

спрашивает она его.

– Потому что я тебя люблю, –
отвечает он.

У нее дети, два пацана, погодки.

Они его зовут “Доктор Петров”, а он их просто “Твои”. И что характерно: младшего к телефону так и тянет. Звонит ей Петров – и слышит: Кого вы хотите? Мать твою! – гаркнет Петров.

Лешка в плач.

– Почему ты не любишь моих детей? –
спрашивает она его.

– Потому что я тебя люблю, –
отвечает он.

Однажды собрались на пикник.

День рождения Феликса. Она и его приглашает. Петров спрашивает, Феликс тоже будет? А как же, смеется она, день рожденья-то чей? Не поеду, говорит Петров, он мне вот уже где.

– Почему ты так не любишь моего мужа? –
спрашивает она его.

– Потому что я тебя люблю, –
отвечает он.

С Феликсом они в одном НИИ. Только Феликс – вон где высоко, а Петров как пришел МНС-ом, так и теперь. А Феликс моложе. Энергичный и локти острые. Феликс по заграницам ездит, а Петров МНС, Феликс премии получает, а Петров МНС, Феликс – докторскую, а весь институт знает, что ее Петров написал.

– Почему ты себя не любишь? – спрашивает она его.

– Потому что я тебя люблю, – отвечает он.

Ему к сорока. Живет в общеаге.
Быт не устроен, жизнь тоже. Друзей нет.
Мама в Чернигове, сто лет не был.
Всегда при ней, неделю не видеть – страшная мука.
А кроме нее мир для него – пустое место.

– Почему ты любишь только меня? – спрашивает она его.

– Потому что я люблю тебя, – отвечает он.

Такая история.

***

Приходи ко мне, крошка,
адрес ты знаешь,
если вдруг взгрустнется –
развеселю.

Включу тебе “Русское радио”,
диапазон у меня широкий,
послушаешь балагура Фоменко –
снимет грусть как рукой.

Приходи ко мне, крошка,
развеселю.

Поставим кассету на видео,
у меня *долби сурраунд*, кстати,
не комедию, так Хазанова со Жванецким –
забудешь о грусти своей.

Приходи ко мне, крошка,
развеселю.

Откупорим, если хочешь, бутылочку,
я держу одну для такого случая,
начнем с тобой каламбуричь –
снимет грусть как рукой.

Приходи ко мне, крошка,
развеселю.

А там и супруга придет с работы,
жена у меня хохотушка,
как возьмется охаживать нас с тобою –
забудешь о грусти своей.

Приходи ко мне, крошка,
развеселю.

НАХОДЯСЬ НА РАЗВАЛИНАХ...

Находясь на развалинах Империи,

хорошо быть туристом, который приехал сюда в одиночестве или с подругой, который, отчаявшись изменить сюжет своей неизбежной драмы, решил, по крайней мере, ненадолго, сменить декорации, так сказать, подобрать посветлее задник, которому, собственно, наплевать на эти развалины, что он и делает время от времени себе под ноги;

хорошо быть также исследователем (историком, археологом, искусствоведом), которому вовсе не наплевать на эти развалины, потому что, во-первых, он рассчитывает найти в них массу забавных деталей, упущенных его коллегой из Массачусетского университета, во-вторых, он не раз убеждался, что плевать в такие колодцы себе дороже (уже потому, что за это платят дурные деньги. Не за плевки, естественно, а за интерес к сухим колодцам), и в-третьих, он, черт возьми, в экспедиции в таком возбуждающе гибельном месте, куда постоянно, как мотыльков на огонь, влечет толпы туристов с подругами и без них, а кроме того – местные жители, особенные печальной красотой, осколки

Империи, что называется, которых и следует изучать по большому счету;

хорошо быть просто экскурсоводом, хорошенькой девушкой, у которой за плечами два курса, скажем, истфака, старшекурсник, уехавший этим летом на морес ассистенткой кафедры физкультуры, больная мама в родном нелюбимом городе да платье на сломанных плечиках в местной гостинице без названия, куда хорошо бы вернуться с кем-нибудь из сегодняшней группы, молодым и при деньгах, чтобы бросить все это, эти кругом развалины, везде одни развалины, к дьяволу, и завтра же улететь за мамой, поселиться всем вместе в его небольшом, но уютном доме у моря, растить детей, поливать цветы и помнить из исторических дат только день этой встречи;

плохо быть частью этих развалин, к примеру, диваном, который, в окружении красного канта с табличкой “Не садиться” на трех языках, давно забыл свои интимные обязанности и приличествующие отделке ампир манеры, опошлил и, как парализованный дон жуан, провожает потертым взглядом зады туристов;

плохо быть куском лепнины, купидоном или химерой, с одной стороны, бесспорно повезло, что не растерли в пыль, но с другой, все же неловко перед братьями, которым повезло гораздо меньше, что, если вдуматься,

уже не столь бесспорно, поскольку само существование уцелевших представляется им абсолютно бесцельным, что совсем уж как-то по-человечьи, нет, тяжело;

плохо быть фотографией на стене над диваном, потому что все проходящие, в конце концов, смотрят исключительно на тебя, тычут пальцами, как самые близкие родственники, спрашивают экскурсовода, подлинная ли ты, и, прищурившись на мгновение, наконец находят, то, что и запомнится им на долгие годы - сходство “этого мальчика в первом ряду, на коленях” с соседским мальчишкой (собственной дочкой, внучкой, первым учеником, просто кого-то напоминает);

плохо быть самым этим мальчиком-юношей-молодым человеком-господином в шляпе-стариком в каталке, который не помнит точно, где стоял его дом, но да-да, где-то в этом районе города, который тоже, в каком-то смысле, часть развалин, увезенная в детстве в благополучное место и утерявшая, среди других потерь, и место в общем ансамбле (слева-справа), и язык, на котором ему называли когда-то предметы, стоящие тоже не на своих местах, и самое право вернуться сюда через парадное, а не во флигель, как водят туристов, которого и отличает от прочей группы лишь смутное подозрение, что все здесь было иначе, не так, как рассказывает эта девочка.

ДОБРОВОЛЬЦЫ (рекрутская)

На войну собирались шестеро.

Говорил один: За Россию-матушку,
За родимый край воевать иду,
Покидаю дом и жену с детишками.
Показать хочу басурманщине,
На кого она руку подняла,
Каково тягаться с Державою!

Говорил другой: У меня был сын.
Двадцать лет уж был, а полгода нет.
Как присягу дал – заступил на пост
И пропал без следа и без вести.
Так и я пойду – мне чего терять? –
Или отомщу, или встречусь с ним.

Третий говорил: Мне война – азарт!
На гражданке мне скука смертная.
Как в болоте по горло – не продохнуть.
Кто ты есть, говорят, не высовывайся.
Что ж, война не пустяк, она разберет,
Кто герой, а кто сбоку бантиком.

Говорил четвертый: Мне дела нет,
Кто воюет с кем. Я готов с любой
Стороны стрелять – было бы, за что.
Был бы сыт карман да рюкзак мой сыт.
А на войне добра – бери не хочу.
А за добро я любому живот порву.

Пятый говорил: От себя бегу.
Кто б сказал: останься. Так некому.
Сам себе жена, сам себе друзья.
А там таких, как я, только что и ждут.
Там жетон дадут взамен имени,
Да я и сам доволен избавиться.

Говорил шестой, самый молодой:
Я ее любил, как во сне летал,
Я себя забыл, только ею жил.
А она меня не желает знать,
Избегает и насмехается.
Ну так я уйду – пусть меня убьют,
Над другими пусть издевается.

На войне оказались шестеро,
В вертолете одном, лицо к лицу.

Говорит один: И дурак же я!
За Державу шел, а пришел, как вор,
Не свое защищать, а чужое брать.

Говорит другой: Старый я дурак.
В мясорубке этой кого найдешь?
Отомстить – кому? Черту с дьяволом?

Третий говорит: Что я за дурак?
Нет, война без разбору людей кладет.
Я троих убил – все гражданские.

Говорит четвертый: А я, дурак,
Поживиться думал на дармовом.
А теперь бы просто пожить еще.

Пятый говорит: Дураком я был –
Стал вдвойне дурак. Бедовал один,
Так теперь со смертью в обнимку сплю.

Говорит шестой (а висок седой):
Не любил бы я – не страшна и смерть.
Не страшна и смерть – только б свидеться.
Ты меня, сержант, как-нибудь пусти,
Мне проститься с ней, и достаточно.

Но шестерым и еще шестнадцати
Не уйти на родную сторону.
Всех накрыло одной гранатой –
Замолчали они, убитые.

CLOUDY DAY BLUES

В день, когда небо было похоже на карту мира,
Ты сказала: Почему с нами ничего не происходит?

В день, когда небо было похоже на карту мира,
Ты сказала: Почему с нами ничего не происходит?

Со всеми что-то случается, только не с нами.

В день, когда небо было похоже на карту мира,
Ты сказала: Мы живем в эпицентре торнадо,
в самом его глазу.

В день, когда небо было похоже на карту мира,
Ты решила, что мы живем в эпицентре торнадо,
в самом его глазу:

Все вокруг рушится, и только у нас тишь да гладь.

Гибнут леса, вымирают народы—

а у нас тишь да гладь,

СПИД свирепствует, на всех не хватает пищи —

а у нас тишь да гладь,

Распадаются семьи, наркомафия крепнет —

а у нас тишь да гладь,

Мир то и дело меняет свои очертанья –
а у нас тишь да гладь,
тишь да гладь.

Я хочу быть со всеми вместе, милый, сказала ты
В день, когда небо было похоже на карту мира.

Я хочу, ты сказала, почувствовать – как им живется
В дни, когда небо похоже на карту мира,

Стать частицей этой подвижной карты...

Ты ушла, ты не хлопнула дверью: была и нету
В день, когда небо было похоже на карту мира.

Ты не хлопнула дверью – ушла, тишину не нарушив
Дня, когда небо было похоже на карту мира.

Ты ушла – вот что с нами тогда случилось.

И назавтра, не знаю, как ты, а я испытал в полной мере,
Что такое – когда гибнут леса, вымирают народы,
Свирепствует СПИД и на всех не хватает пищи,
Распадаются семьи, зато наркомафия крепнет
И мир то и дело меняет свои очертанья.

***

Я проснулся сегодня поздно.
Посмотрел на часы. 12:19.
Солнца не было видно, но в окне голубело
неподвижное небо без перспективы.
Из обычных шумов я расслышал только
крики чаек, но чаек самих не увидел.
Труба кочегарки напротив ровно
зюйд-зюйд-вест выпускала факел
белесого легкого пара.

И я подумал,
что плыву на каком-нибудь океанском
лайнере, что некуда торопиться, что можно
выбрать маршрут круиза и класс каюты,
новое имя себе, масть подруги, название
парохода...

Я выбрал: “Титаник”.

Совершенный вид

***

Сейчас мне снится снег.

И снится дом – не здание, а детство,
фундамент жизни. Мерзлая земля,
зима. Ее приход в Молдавии всегда
был поздним – так запаздывали вести,
хорошие, плохие - все одно.

Мне снится снег.

И старый виноградник (в декабре
лоза стареет, сбрасывая зелень
и превращаясь в черные жгуты,
как руки мумии).

Я чую запах мертвой
листвы - она уже хрустит,
не шелестит, под лапами дворняги,
бегущей длинным рядом. Снег идет.
И я иду за ней. Мелькает строй
пустых шпалер. Собака что-то ищет,
обнюхивает листья, то замрет,
то вскинет голову, то поменяет ряд –
бежит, бежит, иду за ней, а снег
все сыплет, и уже наполнил воздух
до самых туч, но землю только чуть
припорошил.

Я провожу рукой
над верхнею губой и ощущаю

пушок взросления. Он точно первый снег:
такой же мягкий и такой же редкий.
Так значит, мне... пятнадцать?
шестнадцать? школа? бабушка жива?
любовь еще нечаянно нагрнет?
И я уеду, ею оглушенный...
Не потому ли я сейчас брожу
по винограднику, что не успел проститься
ни с ним, ни с кем? Ни с этою дворнягой.
Но где она?

Ее простыл и след...

Простыло все: земля и виноградник,
орешник на холме и южный ветер,
простыли птицы – звука их не слышно.
Мой слух остыл, и зрение, и память.
Снег падает отвесно, как стена,
вдруг уплотняясь, не пуская дальше.
Я слышу вздох, и вижу, как тепло,
вот только бывшее моим, проходит
сквозь стену сна, а я, уже чужой
ему - я остаюсь всегда по эту
сторону.....
..... Здесь осень. По утрам
еще темно. В окно глядишь, как в бездну.
Дождь точит стекла. Судя по всему,
еще мы долго снега не увидим...
Но с каждым днем все выше ртуть. На
рынках

растет в цене молдавский виноград.
И этой ночью время отступило
на шаг назад, на час. На зимний лад
пойдет теперь у нас. Зима сама
уже в пути. Немного запоздает,
но все ж придет и свежую газетой
расстелет снег за окнами - читай
любые новости, ищи свои следы
среди примет, имен и фотографий
ушедших из дому вчера и двадцать лет
не объявлявшихся. Найди себя, верни.

***

Я не вернусь. Уже я изменился,
хотя и сделал только шаг навстречу
открытому, как рана, горизонту,
хотя еще вагон меня не принял
за своего, и имени не знаю
попутчика, глядящего нетрезво,
и не распита первая бутылка,
и сигаретами набита туго пачка,
и впереди еще весь путь, вся ночь и скука,
деревья все, границы, полустанки,
поля, столбы мелькающие, лица
(все лица мира, кроме твоего) –
все впереди, осталось только ехать
и не жалеть себя, уснуть, не плакать,
не видеть снов, забыть о дне вчерашнем,
быть налегке. Пускай меня уносит
на возвращения нескорый поезд,
как легкую добычу. Стану думать,
что и пространство лечит. Стану частью
змеи железной – ей в пространстве легче,
ее в нем больше, и она ему
навязывает ритм. Так стану стуком
ее колес, мне сердце в том порукой:
оно умеет биться учащенно
на заревых туманных перегонах

и реже в городе...

все реже...

все слабее...

пока на сонной станции, под утро
замрет состав. И сердце тоже станет.

.....
Тогда совсем другой к тебе вернется.
Совсем другой твои обнимет плечи.
И ты совсем другому будешь рада.
И будешь с ним ты, как была со мной.
Но будет все у вас совсем иначе.
Прошу тебя, да будет все иначе!
И если он в дорогу соберется,
не отпускай его, будь рядом неотступно.
А если он в вагон в отместку сядет,
иди за ним, иди в огонь и в воду,
в вагон иди, в дым сигаретный, в скуку,
в колесный стук, в сердечный слабый ток.
Не в сердце – ближе, сердцем будь его.
Чтобы на станции, которой нет названья,
услышав тишину в себе, проснуться,
на берег выйти вслед за ним, стоящим
в воде по щиколотку, и не удивиться,
когда я приплыву за вами. В лодке
нам хватит места. Сядет он на весла,
я у руля, а ты – впередсмотрящей.
И скажешь ты без всякого укора:
“Так вот о чем ты говорил, когда
сказал “До скорой встречи”. “Да, об этом”, –
отвечу я, не разжимая губ.

***

О недостижимый совершенный вид!

Тебе пою эту песню.

Из несостоявшегося вчера,
из нескончаемого сегодня
зову твое лучезарное завтра!

Вижу, вижу его приметы вокруг себя –
сжимается их кольцо.

Слышу, слышу его нарастающий гул –
и дрожу, словно мальчик.

...Вспоминаю себя первокурсником, филологию изучающим:
ночью штудировал книжку по морфологии –
труднее всего давались глаголы
с их грамматическими категориями, –
под утро, как водится, задремал, и... едва проснулся.

Прибежал, а экзамен идет полным ходом.

Стоят у аудитории мои товарищи, волнуются,
прислушиваются к тому, что творится за дверью...

И сейчас, как тогда, слышу строгий менторский голос,
экзаменующий кого-то в видах глагола:

– Он: что делал? что сделал?

– Она: что делала? что сделала?

– Они: что делали? что сделали?

Принимаю эти вопросы на собственный счет:
совершенен ли я в своих поступках?

Трепещу, ожидая очереди, читаю книжки, иду на голос.
Не боюсь опоздать, но боюсь ничего не ответить,
когда откроются двери, и строгий голос
спросит обо мне уже в прошедшем времени:
– Ты: что делал? что сделал?
И переэкзаменовки не будет.

***

Городские поэты живут на окраинах
в высоких башнях, окнами на север,
в башнях без лифта и мусоропровода,
но с закодированным парадным
(код меняется ежедневно, поэтому
практически невозможно проникнуть внутрь
или выйти наружу).

Они выходят
гулять на террасы под самой крышей,
берут с собою кота, транзистор,
курят, слушают, что случилось в мире
(мир, утверждаясь в правах называться
шаром, медленно катится в тартарары),
перевешиваются через перила, смотрят,
куда бы сплюнуть...

и забывают.

В горле пересыхает. Палисадники пышат жаром
летних работ, в океане пыли
люди сверкают спинами, как дельфины,
музыка льется на сто ладов, и живность,
включая детей, плещется в мутной луже.
Поэтов мутит от внезапной мысли о том,
что лопата как средство самокопанья
может быть эффективней пера. (Чиличи,

подхватывает мелькнувший росчерком стрижа,
и разносит мысль по небу: чиличи, чиличи.)
Легче уйти от горячих перил, не морочить
голову хитрой фразой.

В глуби террасы
поэты располагаются подремать.....
..... Им снится
белый тихий сон: зима, горло схвачено холодом,
как легкой смертью, любое слово клубится
облачком, растворяясь в бесцветном небе, снега
выпало столько, что вся округа стала снегом –
пышные похороны ландшафта, и никого из
провожающих, все происходит само собою, кто-то
горстями бросает снег, и холм становится выше, и сон
все глубже, все безмятежней, они выходят
на террасы, делают вдох-другой, поправляют
на плече котомку (стихи, корка хлеба, соль),
идут, наконец, к перилам, заносят ногу и
оказываются на свободе, их держит снег,
точно ангелов – облака, они шагают бодро
по бескрайней равнине, вперед, вперед,
ни моря и ни горы уже не заставят их
изменить направление, они и сами
очарованы знанием вдруг доступным –
и творят этот путь, словно пишут белый
стих, по белому белым, за шагом шаг,
без запинок, препон, препинания знаков,
на одном дыхании, легко и ровно,

сколько хватит его, сколько хватит снега
и следов на снегу, и вместо точки
будет слово в конце, и слово будет
“Привет”, и его, повторив, услышат.

И замкнется круг, и отступит время. И с этих пор
не иссякнет соль, не засохнет хлеб, и живым огнем
вспыхнут их стихи, будет снег идти. И не будет башен.

.....
Кто-нибудь скажет:

“Посмотрите, как мы похожи! Как будто одно лицо,
отразившись сразу во всех зеркалах, ни в одном
не исказилось”.

***

Вдоль по солнечной дороге
едет молодой водитель.
Он ведет машину мягко,
аккуратно, не спеша.
Лето красное в разгаре,
день, похоже, что воскресный,
час десятый, ветер южный,
двадцать градусов тепла.
Хорошо проселком ехать!
Позади остался город,
впереди – пять километров,
если ехать по прямой.
Тишина вокруг! Щебечут
птицы, да трещит кузнечик,
да пчела, бывает, стукнет-
ся в стекло. И ни души.
Улыбается водитель,
молодой и симпатичный,
он одной рукой баранку
крутит, а другой рукой
дирижирует себе же:
он свистит, слегка фальшивит,
но зато какие трели
между прочим выдает!

Потихонечку к зениту
набирает солнце силу.
Отражается в обшивке,
фары тонко золотит.
И машина, точно песня,
серебрится и играет,
хоть и черная по цвету,
и пугающе тиха.
Катафалк – ну что за имя,
в самом деле, что за участь!
Но за день такой возможно
все снести и все простить.
Как положено по службе,
катафалк слегка печален,
потому – при исполнении
он сегодня, и гружен.
Там, в прохладном полумраке
гроб качается, хрустальный
оттого, что так сверкает
в брызгах солнца красный креп.
Улыбается покойник,
тоже молодой, красивый.
Он почти на свете не жил –
отравился от любви.
А теперь, как на свиданье,
причесался, приделался,
и костюм на нем нарядный,
и ботинки на шнурках.

Он торопится как будто,
переполнен встречей скорой,
и от счастья засыпает,
и часы его стоят.
“Спи, ему природа шепчет,
ни о чем уже не думай,
мы тебя не потревожим -
я и девушка твоя.
Только этот день запомни.
Я дарю тебе на память
солнце, птиц, дорогу эту.
Красоту. И тишину”.

Хорошо сегодня, правда!
И за что такое счастье?
Только здесь оно возможно,
там не будет ничего.
Едут, едут, едут двое,
не попутчики, но все же
вместе едут, двое, двое —
А вернется лишь один.

***

Вернувшись из клиники он долго ходил по комнате
трогал предметы и улыбался улыбкой священника
в сумраке исповедальни

С этого дня он будет ложиться спать
не выключая света

Неделю назад он побывал за гранью жизни
и теперь знал что вещи смертны
Не человек

***

Птица села на залитый солнцем луг

По лугу
мягко пригнувшись
стремительно не торопясь
поводя ушами
замечая малейшие перемены света
и ничего кроме огромной коровы
дремлющей чуть поодаль
хищно крадется рыжая кошка
воображая себя пантерой

Поодаль
в одном броске пантеры
от кошки лежит пожилая корова
Прислушиваясь к тому как неспешно
зреет в ней вечернее молоко
она то и дело вздыхает
Ей мал этот луг и все здесь мелко
трава и цветки повилики вредные мухи птахи
и глупая кошка возомнившая о себе бог весть что
Корова вздыхает она мечтает
быть русоволосой девушкой в легком платье
которая по вечерам приходит доить корову
жить в домике на дальней окраине луга
с двумя стариками и рыжей кошкой

носить на дорогу молоко и клубнику
ждать смуглолицего мотоциклиста
из города

Русоволосая девушка
скинув легкое платье сидит у зеркала
и удивляется своему красивому телу солнце
гладит ее золотые плечи охальник ветер
норовит подхватить под мышки и унести
далеко-далеко отсюда в высокий замок
девичьих грез где живут только вольные птицы птицей
девушка хочет быть расправляет крылья
отдавшись ветру взмывает парит над домом
лугом и лесом топодем у дороги быстрым
промельком отражается в никеле мотоцикла
на обочине в меди коровьего колокольца
в опалах кошачьих глаз и птица птицей
опускается на залитый солнцем луг

Птица на золотом лугу
хочет быть
птицей на золотом лугу

1998 - 2003